

17. Россия: стратегии достоинства. Имидж и реальности страны, информационные технологии и кризисные ситуации. М., 2000.

18. *Стризов А. Л.* Адаптация человека к процессам модернизации и переход к демократии // Вестн. ВолГУ. Сер. 7 : Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-cheloveka-k-protsessam-modernizatsii-i-perehod-k-demokratii> (дата обращения: 30.03.2016).

19. *Судаков С. С.* Эпистемология политического прагматизма // Полит. исслед. 2010. № 1.

20. *Тощенко Ж. Т.* Фантомы общественного сознания и поведения // Социол. исслед. 2004. № 12(248).

21. Contemporary Sociology. Nov. 1999. Vol. 28, № 6.

Рукопись поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.

УДК 159.954.4:316.285 + 316.485.6

Ю. А. Пацюкова

Н. А. Черняева

«ПРАВО СМОТРЕТЬ» И «ПРАВО БЫТЬ ВИДИМЫМ»: КОНФЛИКТЫ ВИЗУАЛЬНОГО

Статья посвящена относительно малоизученной в современной конфликтологии теме — природе конфликтов в сфере визуального, приводящих к неравномерному распределению того, что ряд исследователей называет «правом на визуальное». Основываясь на сравнительном анализе двух подходов к проблеме, с позиции междисциплинарного поля визуальных исследований и с позиции политической философии и теории признания, авторы приходят к выводу, что визуальное является не только способом репрезентации социальных конфликтов, но и их субстанциальной чертой, так как социальное неравенство практически всегда реализуется в неравном доступе к сфере публичной видимости. Как следствие, фундаментальное право субъекта смотреть и быть видимым вступает в конфликт с властными порядками визуального.

К л ю ч е в ы е с л о в а: визуальные исследования, парадигма признания, Николас Мирзоев, Аксель Хоннет, «право на визуальное», взгляд, право быть видимым.

Имеет ли значение для анализа конфликта его видимая сторона — то, как он выглядит и как мы его воспринимаем визуально? В современном медиатизированном мире социальные, политические и военные конфликты порождают огромное количество визуальных репрезентаций: фотографии военных действий, образы беженцев, перемещенных лиц, репортажи о демонстрациях, публичных столкновениях с полицией циркулируют в средствах массовой информации в глобальном масштабе. Эти образы не просто фиксируют внешнее проявление конфликтов — они привлекают внимание, запускают эмоциональные реакции, влияют на осмысление конфликтов обществом, вызывают публику и политиков на активные действия. «Власть образов» в политических конфликтах изучалась и продолжает изучаться как представителями социальных наук, так

и исследователями визуальной культуры, медиа, массовой культуры¹. В последние десятилетия внимание исследователей сместилось с анализа репрезентаций социальных конфликтов к изучению режимов и порядков, управляющих производством визуального, регулирующих распределение видимого и невидимого в публичной сфере. Каким образом конфликт не просто отражается, а визуально производится? Чей взгляд на событие наделяется чертами легитимности, а чей оказывается под запретом? Кто имеет право смотреть? На что? Кто и что остается в зоне невидимого?

Цель данной статьи — сравнительный анализ двух исследовательских позиций на природу конфликтов в сфере визуального. Представитель традиции визуальных исследований Николас Мирзоев в своей книге «Право смотреть: контристория визуальности» анализирует противоречие между фундаментальным правом человека на взгляд и сложившимися в данном обществе «комплексам визуального», закрепляющими в зрительной форме установившийся порядок вещей [12]. Акт смотрения трактуется Мирзоевым как то, что фундирует субъектность и дает базовую, экзистенциальную связь с реальностью. Право смотреть — базовое человеческое право, но его реализация наталкивается на господствующие в обществе режимы визуальности — навязанные нам порядки очевидности. Политический философ Аксель Хоннет в своей работе «Невидимость: об эпистемологии признания» [11] рассматривает право на взгляд в диалектическом взаимодействии с правом быть видимым и осмысляет оба феномена в контексте отношений признания. Конфликт визуального, по мнению Хоннета, произведен от проблем признания: ситуация, при которой индивид или социальная группа лишаются права на репрезентацию в публичной сфере, связана с дефицитом признания, который лежит в основе всех социальных конфликтов. Оба автора, таким образом, рассматривают то, что современный исследователь Гил Хокберг назвала «неравномерным распределением права на визуальное»: в условиях социального неравенства право смотреть и право быть видимым получают далеко не все социальные субъекты, ряд из них остается в зоне слепоты и невидимости [9, 14]. Сравнительный анализ работ Мирзоева и Хоннета позволяет глубже понять причины неравного распределения права на визуальное, а также возможные способы его преодоления.

Николас Мирзоев анализирует визуальное в контексте властных отношений в обществе. Для него право смотреть — это фундаментальное право человека, сродни праву на реальность. Право смотреть несводимо к простому акту зрения: смотрение предполагает видение другого, обмен взглядами без попытки уклониться от чужого взгляда — «дружбу, солидарность или любовь» [13, 473]. Право смотреть базируется на индивидуальной автономии, на праве человека на субъектность, на само существование. Но, как показал в своих работах Мишель Фуко, в обществе, основанном на социальном неравенстве, власть узурпирует

¹ Пионером исследований в этой области многие авторы называют Вильяма Джона Томаса Митчелла (W. J. T. Mitchell), который констатировал «пикториальный поворот» в гуманитарных и социальных науках в своей книге *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation* [14]. Довольно полный обзор теорий в этой сфере дан в коллективной монографии 2013 г. *Advances in the Visual Analysis of Social Movements* [7].

право на взгляд, превращая его в мощный механизм подавления и нормализации. Тема визуального как инструмента властного принуждения и нормализации присутствует у Фуко на протяжении всей его научной карьеры, начиная с ранних работ о рождении клинического взгляда [5] до классического анализа паноптикона в «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» [6].

Поэтому для рядового субъекта акт смотрения зачастую затруднен, так как он наталкивается на сложившиеся в данном обществе режимы визуального, которые канализируют взгляд, регулируют его определенным образом, закрывая от него какие-то куски реальности. Классическая фраза полицейского «Проходите, здесь не на что смотреть!» выражает суть режимов визуального: не столько запрет и цензура, сколько присвоенное властью исключительное право на взгляд.

По мнению Мирзоева, режимы визуального в данном обществе создаются с помощью трех основных стратегий: классификация, разделение и эстетизация. Классификация осуществляется с помощью называния, определения и категоризации; видимому и воспринимаемому дается наименование, оно помещается в классификационную схему, будь то таксономии животных и растений, классификации народностей или карты территорий. Визуальность разделяет тех, кого она таким образом классифицировала, чтобы предотвратить их солидарное действие как политических субъектов. Практики социальной сегрегации невозможны без визуальной сегрегации. Отказ Розы Паркс² переместиться в заднюю часть автобуса был отказом оставаться в зоне невидимого, требованием зримого присутствия в социальном пространстве. Наконец, классифицируя и разделяя, визуальность производит эстетически привлекательный и потому оправданный порядок вещей. Франц Фанон называет такую эстетику «эстетикой уважения статус-кво» [13, 476]. Произведенная с помощью названных стратегий визуальность формирует и закрепляет определенную картину мира, создавая мощнейший эффект легитимации власти. Как показывает Мирзоев, опираясь на рассуждения Жака Деррида о легитимности, «чтобы стать легитимной, власть должна стать видимой, само-очевидной» [Там же, 479].

Режимы визуальности меняются исторически. Эпоха модерности знает, по мнению Мирзоева, три сменяющих друг друга «комплекса визуальности»: плантационный, имперский и военно-промышленный. «Комплексом» он называет совокупность институтов и практик, создающих определенную конфигурацию зон видимого и невидимого, специфическое распределение права на визуальное, свои типы классификации, распределения и эстетизации реальности. «Плантационный комплекс» возникает из практик надзора за рабами на плантации. Статус раба, по мнению Мирзоева, содержит в себе два фундаментальных ограничения: возможности передвижения и права смотреть. Геродот утверждал, что скифы

² Роза Ли Паркс — одна из активистов движения афроамериканцев за гражданские права в США в 1950-е гг. Во время автобусной поездки 1 декабря 1955 г. в городе Монтгомери, штат Алабама, Роза отказалась по требованию водителя уступить свое место белому пассажиру в секции автобуса для цветных. Была арестована за нарушение правил поведения в транспорте, однако общественная реакция на арест Паркс привела к бойкоту автобусных линий города и стала мощным катализатором движения против расовой сегрегации [3].

ослепляли своих рабов, чтобы предотвратить побег. В XVII–XVIII вв. архетипическая связь рабства и слепоты поддерживается тем, что рабам запрещено прямо или открыто смотреть на господина. Такой открытый взгляд приравнивается к преступлению, и возникает даже специальный юридический термин для его обозначения: *reckless eyeballing* («нагло таращиться»). Прямой взгляд на белого человека воспринимался как угроза, так как он был чреват насилием, в том числе сексуальным. Даже в XX в., а именно в 1951 г., чернокожий фермер был осужден за «слишком откровенный» взгляд на белую женщину в Северной Каролине [13, 483]. Другим ограничением права на взгляд для рабов в «плантационном комплексе» был закрепленный в уголовном кодексе запрет «воображать смерть белого человека» [Там же, 482]. Здесь ограничение права на визуальность предстает как запрет на ментальное видение, на воображение иного порядка вещей.

«Имперская визуальность», согласно Мирзоеву, создается практиками управления колониями, где полюсы видимого и невидимого располагаются по оси «цивилизация» (свет, ясность) и «примитивное состояние» (тьма). Цивилизованность метрополии при этом маркируется как состояние упорядоченности и потому — как эстетически привлекательное, в то время как колонии трактуются как хаос, как отсутствие цивилизации и выводятся за пределы «эстетического». Следуя логике Жака Рансьера, для которого «политика опирается на то, что видишь и что можно об этом сказать, на того, кто наделен компетенцией видеть и способностью сказать...», Мирзоев подчеркивает, что плантационный и имперский комплексы визуальности производят огромные массы людей, исключенных из сферы политического и, как следствие, из сферы видимого [4, 15]. «Платон, — пишет он, — называл шесть категорий людей, не наделенных властью; подавляющее большинство тех, кто остался за бортом, тех, для кого нет места, кто не имеет значения. В этом случае право смотреть глубоко зависит от права быть видимым» [13, 484]. Имперский комплекс соединяет эстетику власти и эстетику тела, понятию в своем первичном значении — как возможность поддержания тела, обеспечение его существования, как «политику еды». Быть видимым в имперском комплексе означает иметь средства для поддержания жизни, пресловутые «сорок акров и мула».

Современный «военно-промышленный комплекс» визуальности является интенсификацией существовавших со времен как минимум XVIII в. техник визуализации войны. Военные карты, используемые полководцами прошлого, трансформируются сегодня в 3D-изображения вражеской территории, составленной на основе цифровых образов, полученных со спутников, приборов ночного видения, беспилотных летательных аппаратов, цифровых камер видеонаблюдения и т. д. Это новая форма визуальности, которую Мирзоев называет «постперспективной» визуальностью или «поствизуальностью». Постперспективизм объясняется флюидностью генерируемой картины, составленной из фрагментов отдельных видеотрансляций, полученных от разных устройств, между которыми наблюдатель свободно перемещается, приближая и удаляя изображение, а также отсутствием у наблюдателя фиксированной позиции в пространстве. Поствизуальность больше не связывает того, кто смотрит, и объект взгляда. Огромный

объем производимых компьютерной съемкой изображений почти никто и никогда не отсматривает, и они нужны, по мнению Мирзоева, чтобы «сделать процесс наблюдения видимым» [13, 492].

Поствизуальность, производимая военным аппаратом государств, настолько чревата насилием, что Мирзоев называет ее «некрополитикой»: одни и те же технологии позволяют следить за противником и наносить удары с воздуха. Физическое насилие и символическое насилие существуют параллельно: созданный несколько лет назад в США беспилотный летательный аппарат для участия в антитеррористических операциях, получил название «взгляд Горгоны», вызывая ассоциации со смертоносным взглядом Медузы горгоны, обращавшим все живое в камень. «Взгляд Горгоны» производил съемку с двенадцати камер сразу, обеспечивая американских военных суперзрением и одновременно символически ослепляя противников.

Возможен ли в условиях существования комплексов визуального взгляд, не чреватый насилием и подавлением? Мирзоев говорит о контрвизуальности, которая создается признанием права каждого человека на взгляд. Контрвизуальность может пониматься как способность вообразить иной порядок вещей, «на схватывание того, что существует, но не должно быть, и на то, что должно быть, но пока еще только становится» [Там же, 486]. Контрвизуальность реалистична, но она не имеет ничего общего с мимезисом или реализмом в искусстве. Так, примером контрвизуальности может быть «Герника» Пикассо. Известно, что когда в феврале 2003 г. госсекретарь США Колин Пауэлл выступал на специальном заседании Совета Безопасности ООН, доказывая необходимость военного вторжения в Ирак, огромный гобелен с Герникой, украшающий зал, был завешан голубой тканью и флагами стран-участниц, якобы чтобы «обеспечить более эффектный фон для телевизионных камер» [8]. Контраст между призывом к военным действиям в речи Пауэлла и трагическими образами бомбардировки деревни басков во время гражданской войны в Испании, которые создал Пикассо, был слишком силен, чтобы быть показанным по телевидению.

Контрвизуальность возможна как такая визуальность, которая противится исключению, сегрегации, милитаризации. «В условиях, когда каждый из нас — подозреваемый, пока не доказал обратное, необходимо работать над утверждением постоянства повседневной жизни, которая не требует милитаризации» [13, 496]. Осознавая если не утопичность, то сложность создания «новой повседневности», Мирзоев видит ее контуры в простом обмене взглядами между людьми, в котором «мое право смотреть встречает твоё желание быть видимым, и оно взаимно» [Там же]. Иными словами, желание и готовность увидеть другого, встретиться глазами, признавая друг в друге равных и автономных субъектов, является, согласно Мирзоеву, желательной, но трудноосуществимой моделью социальности, чья реализация затруднена существующими в современной культуре «комплексами визуальности».

Представитель третьего поколения Франкфуртской школы, политический философ Аксель Хоннет, исследует феномен социальной невидимости (invisibility) в своей работе «Невидимость: об эпистемологии признания». Материалом для

анализа служит известный роман Ральфа Эллисона «Невидимый человек» (1952), который рассказывал о судьбе молодого афроамериканца, жившего в начале 1920-х гг. в США и остро переживавшего свою социальную невидимость. В романе как белые, так и черные персонажи воспринимают героя как стереотипного представителя своей расы, не видя его самого, его индивидуальности. Однако наиболее остро эффект собственной неполноценности возникает у героя, когда белые американцы обращают в его сторону взгляд, который как бы проходит сквозь него, не задерживаясь на самом герое ни секунды. Это такая форма невидимости, исчезновения, которая, согласно Хоннету, имеет характер не физического отсутствия, но скорее отрицания социального присутствия [11, 112].

Для Хоннета, чьи научные интересы лежат в анализе отношений признания в обществе, феномен социальной невидимости интересен как частный случай нарушения отношений признания. Методологически парадигма признания состоит в «антиатомистическом понимании современной индивидуальности, т. е. утверждает зависимость становления современной личности и ее полноценного развития от отношений любви, уважения и престижа» [1, 5]. Как показывает Хоннет в своей ключевой работе «Борьба за признание», становление личности основывается на диалектике intersubjectивных отношений [10]. Этот тезис восходит во многом к гегелевскому утверждению в «Феноменологии духа» о том, что мы обретаем самосознание как автономные субъекты только во взаимодействии с другими автономными субъектами, отсюда и необходимость в различных формах взаимного признания. Для Хоннета борьба за признание является двигателем нравственного прогресса общества, способом достижения общественного блага и гармонии. Хоннет выделяет три основные формы признания, в зависимости от отношений и институтов, которые их поддерживают. Первой формой признания является признание ребенка родителями, когда только что родившийся младенец получает от взрослых подтверждения любви, принятия, внимания, готовности общаться в виде разнообразных сигналов, что в конечном счете становится основой его «уверенности в себе». Второй формой признания становятся взаимодействия субъекта с другими субъектами, в которых он и другие «взаимно признают друг в друге носителей юридических и моральных прав» [1, 8]. Это такой тип отношений, который основывается на «уважении» в кантовском смысле, т. е. на признании другого представителем человеческого рода, имеющим неотчуждаемые юридические права и моральный статус. Наконец, третьей формой признания является признание другого как конкретной личности, носителя уникальных черт, социальных ролей, профессиональных качеств и т. д. Это тип признания, который видит в другом «другого» и который создает основу для «самооценки» индивида.

Постулируя признание как основу для складывания полноценной индивидуальности, а «борьбу за признание» как движущий фактор общественного развития, Хоннет заинтересован в осмыслении тех отношений, в которых признание отсутствует. Так, в условиях социального неравенства доминирующий социальный класс лишает должного признания представителей подчиненных классов и слоев. Отсутствие признания порождает феномен социальной невидимости. К примеру, слуги и рабы часто оказывались в роли невидимых теней господина:

рядом с ними господа переодевались, отправляли физиологические функции, не испытывая смущения, так как в определенном смысле «их там не было» [11, 112]. Невидимость черного населения в США времен сегрегации, которую описывает Эллисон, несколько иного порядка, так как здесь эффект невидимости создается именно как эффект, т. е. интенционально, и он имеет перформативную природу. Он достигается особым типом взгляда, который Хоннет называет «взглядом сквозь» [Там же]. Эффект невидимости, по сути, требует усилий, так как он должен быть коммуницирован тому, на кого он направлен через систему жестов, мимических и поведенческих нюансов.

Хоннет уточняет, что эффект невидимости возникает потому, что акт видения состоит из двух реакций. Первая — это видение в прямом, когнитивном смысле, результатом которого становится узнавание (*cognition*). Видение в этом значении предполагает наличие человека в поле зрения и его идентификацию как индивидуума в пространственно-временном порядке. Примером такого видения будут все случаи, когда мы узнаем человека при встрече, если мы прежде встречались с ним: мы узнаем знакомого, почтальона, человека, с которым мы когда-то ехали в одном купе, горничную, которая приходит убираться по понедельникам. Вторая процедура предполагает видение в метафорическом смысле, видение как признание (*recognition*), которое предполагает минимальную эмпатическую реакцию с нашей стороны: кивок головы, жест, улыбку узнавания. Такого рода реакция включает другого в поле социальной ткани, подтверждает его социальную значимость. Только будучи уверенным в том, что он узнан в первом, базовом, значении, субъект может рассчитывать на узнавание во втором, метафорическом, смысле. Эффект «невидимости» потому и производит болезненные реакции и воспринимается как унижение, что индивид, оставшийся в зоне невидимого, уверен, что он был на самом деле увиден и узнан: «невидимость в фигуральном смысле заключает в себе видимость в буквальном».

Акты признания или непризнания происходят в публичном пространстве, т. е. непризнание коммуницируется и тому, на кого оно направлено, и всем остальным участникам социального спектакля. «Социальная невидимость приобретает публичный характер только потому, что она парадоксальным образом выражается в отсутствии эмпатических форм и реакций, которые обычно сопровождают акт индивидуального узнавания» [Там же, 115].

Хоннет уверен, что реакции узнавания едины для всех людей. Знание об этих реакциях каждый человек приобретает в раннем детстве, в ходе самой ранней коммуникации со взрослыми, чаще с родителями (матерью). Опираясь на работу Даниеля Стерна «Первые отношения: младенец и мать», Хоннет доказывает, что первичная социализация ребенка основывается на коммуникации в виде жестов и мимических выражений и что, получая высокодифференцированные реакции на свои состояния в виде улыбок, прикосновений, звуков и т. д., ребенок одновременно получает подтверждение любви со стороны родителей, участия, преданности, готовности прийти на помощь, поддержки и т. д. [15]. Этот репертуар полуавтоматических реакций остается с нами на всю жизнь и может быть опознан в ритуалах приветствия, которыми обмениваются взрослые. Демонстрируя друг

другу разнообразные невербальные реакции принятия и узнавания, индивиды, по мнению Хоннета, тем самым публично демонстрируют друг другу, что «каждый из них получил некую степень социального одобрения от другого или что другой обладает социальной значимостью в соответствии со своей ролью» [11, 119]. Знаки социального признания имеют фундаментальное значение для координации социальных действий, а их отсутствие сигнализирует о серьезной патологии, в том числе такой, при которой индивид оказывается в ситуации «невидимости». Таким образом, социальное признание с неизбежностью подразумевает социальную видимость и на интерперсональном уровне не может быть коммуницировано иначе, как через видимые, считываемые глазом средства. Иными словами, признание невозможно без видимости, без визуального языка экспрессивных реакций.

Связывая напрямую признание и видение, Хоннет тем самым открывает возможности для анализа моральной проблематики визуального. Отказ видеть другого субъекта, помещение его в слепую зону означает автоматически отказ относиться к нему уважительным или благожелательным образом. Хоннет здесь опирается на концепт уважения у Канта, который в «Основоположениях метафизики нравов» определяет уважение как «представление о ценности, которое наносит ущерб моему себялюбию», т. е. как нравственный закон, который заставляет морального субъекта увидеть в другом достойное и равное существо [2, 247]. Признание, таким образом, означает не просто подтверждение присутствия другого человека, но и готовность «ограничить собственный эгоизм ради того, чтобы должным образом оценить достоинство другого человека как разумного существа» [11, 123]. Отказ видеть другого, помещение другого в слепую зону означает отсутствие уважения в высшем, кантовском смысле слова. Признание, таким образом, всегда имеет визуальный аспект: оно предполагает «выраженную (и потому проявленную публично) демонстрацию ценности другого, без которой не может быть разумных существ» [Там же, 124].

Сравнивая выводы Хоннета с выводами Мирзоева, можно говорить об интересном диалоге между двумя исследователями и двумя дисциплинарными традициями в анализе визуального. Оба автора трактуют визуальное не как средство репрезентации социальных конфликтов, а как их субстанциальное качество. Мирзоев видит в визуальном символический язык политики, а неравномерное распределение права на визуальное трактует как неизбежную часть наличного политического порядка. Хоннет понимает визуальное как символический язык морали, и для него неравномерное распределение зон социальной видимости-невидимости — это нарушение должного порядка вещей. Оба исследователя признают интересубъективную природу визуального и огромный освобождающий потенциал свободного обмена взглядами между людьми. Однако в этом пункте представления Мирзоева и Хоннета существенно расходятся. Для Мирзоева, который в своем анализе исходит из наличного политического порядка, возможность для субъекта увидеть другого и быть увиденным непосредственно, вне канализирующего и отчуждающего воздействия «комплексов визуального», это скорее утопический горизонт, нежели возможность. В реальности же имеет место

столкновение абстрактного права субъекта смотреть и значительных ограничений для реализации этого права со стороны доминирующих порядков визуального.

Хоннет, развивая нормативную философию визуального, утверждает, что смотреть на другого и быть видимым другим в ответ, как в когнитивном, так и в моральном смысле, суть основа любой социальности, и без взаимного видения и, как следствие, признания невозможен моральный порядок в современном обществе. Хотя в сопоставлении с анализом Мирзоева нормативная теория визуального Хоннета может показаться утопичной, на деле это совсем не так. Формулируя право на визуальное в категориях морального закона, Хоннет позволяет осуществиться критике наличного порядка, анализу существующих режимов визуального. Вне нормативной философии визуального наш анализ конфликтов в этой сфере был бы произвольным и безосновательным.

-
1. Бринк Б. ван ден. Парадигма признания в социальной философии // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. Т. 128, вып. 2. 2014. С. 5–15.
 2. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. М., 1994.
 3. Паркс Р. Википедия. Wikipedia Foundation, Inc. 25 февраля 2013. Web. 25 марта 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B0 (дата обращения: 30.04.2016).
 4. Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб., 2007.
 5. Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А. Ш. Тхостова. М., 1998.
 6. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М., 1999.
 7. Doerr N., Mattoni A., Teune S. "Toward a Visual Analysis of Social Movements, Conflict, and Political Mobilization," in *Advances in Visual Analysis of Social Movements (Research in Social Movements, Conflicts and Change, Vol. 35)* Emerald Group Publishing Limited, 2013. P. xi – xxvi.
 8. Dowd Maren. "Powell Without Picasso," in *New York Times* 2003 (Febr., 5).
 9. Hochberg G. Z. *Visual Occupations: Violence and Visibility in a Conflict Zone*. Durham and London : Duke University Press, 2015.
 10. Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1995.
 11. Honneth A. "Invisibility: On the epistemology of 'recognition'," in *Aristotelian Society Supplementary Volume*, Vol. 75, Iss., July 2001. P. 111–126.
 12. Mirzoeff N. *The Right to Look: A Counterhistory of Vizuality*. Durham ; L., 2011.
 13. Mirzoeff N. "The Right to Look," in *Critical Inquiry*. Vol. 37, № 3 (Spring 2011). P. 473–496.
 14. Mitchell W. J. T. *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago, 1994.
 15. Stern D. N. *The First Relationship: Infant and Mother*. Cambridge, 1977.

Рукопись поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.